

Неонацистские проявления в ФРГ дополняются ксенофобией, охватывающей все большее число граждан. Конечно, масштабы этих явлений еще не подпадают под определение угрозы для глобальной безопасности, но на региональном европейском уровне опасность неонацизма следует рассматривать в качестве приоритетной для выработки адекватных мер борьбы с ней.

В контексте уроков войны и недооценки этой угрозы можно вспомнить еще одну базисную теорию гитлеровской Германии — пангерманизм с его постулатом о «расширении жизненного пространства для немецкой нации». Именно она стала лейтмотивом для оправдания всех военных авантур Гитлера, творимых по его словам, «во имя немецкого народа и будущих потомков — чистокровных арийцев». Конечно, с учетом того, что в послевоенные годы мировое сообщество выработало более-менее надежные механизмы пресечения противоправного военного вмешательства в дела других государств, авантюры, подобные тем, которые творила фашистская Германия, в начале XXI в. трудно осуществимы. Однако теория о «расширении жизненного пространства» в несколько измененном виде по-прежнему применяется. В настоящее время она трактуется как необходимость завоевания рынков сбыта, борьба за энергоносители, источники воды и т. д., которая уже привела к военным операциям в Ираке, Афганистане, Ираке. Недавним примером стала операция «Сервал» с участием двухтысячного военного контингента Франции в Мали.

Нельзя не отметить и еще одну тенденцию последних десятилетий. Это попытки пересмотреть оценки виновников этой мировой трагедии. Фальсификаторы нового поколения берут на вооружение и новую «методологию» трактовки событий той войны. Раньше злодеяния фашистов объяснялись глобальными причинами. Например, немецкий историк-ревизионист Э. Нольте писал, что «нацизм — это паритетный ответ на коммунизм, а убийства по расовому признаку — равновеликий ответ на классовый террор в России» [Кантор М. Мера истории. Российская газета. 2013. 24 апр.]. Сейчас же объективные факты из истории войны, указывающие на нацизм как ее глобальный источник, сводятся к совокупности мелких и часто ложных мнений людей, далеких от исторической науки. Лейтмотив такого рода суждений: война — это мировая эпидемия, где может умереть каждый, где уравниваются жертвы и палачи, виновные и безвинные. Орудием такой идеологии все чаще становятся кинематограф и литература, которые являются основным источником исторической информации для молодежи.

Конечно, никто не умоляет значимости правдивого показа на экране судьбы солдата войны. Речь идет об осознании конечной цели этого показа, равно как и о задаче, которую ставит перед собой литератор. А цель эта заключается в донесении исторической правды. Тогда известные слова «никто не забыт, ничто не забыто» приобретут реальное содержание. И представители нового поколения будут помнить те заветы и предупреждения, которые оставили нам участники Второй мировой войны.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛИГИ АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ ПО УРЕГУЛИРОВАНИЮ КРИЗИСА В СИРИИ В 2011—2013 гг.

Шевелёва М. В., Белорусский государственный университет

Межгосударственное объединение арабского мира — Лига арабских государств (ЛАГ) — на протяжении последних двух десятилетий не проявляла значительной активности. События т.н. «арабской весны» и политические кризисы в арабских странах 2011—2013 гг. вынудили ЛАГ занять более активную позицию в отношении процессов, происходящих в регионе. Попытки ЛАГ принять участие в урегулировании военно-политического кризиса в Сирийской Арабской Республике демон-

стрируют как возрастающую роль организации в межарабских отношениях, так и некоторые тенденции и изменения в деятельности ЛАГ, наблюдающиеся в настоящее время.

Изменениям подверглись два основных положения политической платформы ЛАГ, заявленные в первые годы существования организации: невмешательство во внутренние дела арабских государств и разрешение конфликтов и иных проблем в арабском мире исключительно арабскими силами, противодействуя любому внешнему воздействию. Вопреки данным положениям, в марте 2011 г. резолюция ЛАГ санкционировала установление «бесполетных зон» над Ливией, предоставив возможность проведения международной интервенции.

Такая трансформация традиционных подходов ЛАГ к урегулированию конфликтов в арабском мире объясняется существенными изменениями в «расстановке сил» внутри самой организации, вызванными революционными потрясениями 2011 г.: снижением роли Египта и Сирии — наиболее последовательных сторонников сохранения традиционного подхода ЛАГ к разрешению межарабских споров и внутрисубарбственных конфликтов в арабском мире, а также возрастающим влиянием в ЛАГ «альянса» монархических государств Персидского залива, настаивающих на необходимости преодоления традиционного арабского «изоляционизма». Данная тенденция довольно ярко проявилась в период дискуссий внутри ЛАГ по проблеме урегулирования сирийского конфликта в 2011—2013 гг.

По мере развития политического кризиса и вооруженного конфликта в Сирии в 2011—2013 гг. позиция ЛАГ была подвержена изменениям. Так, организация сохранила пассивность на начальном этапе развития сирийского конфликта (апрель—сентябрь 2011 гг.). В октябре 2011 г. — январе 2012 г. наблюдалась активная посредническая деятельность ЛАГ в урегулировании сирийского конфликта: организация предприняла попытку выступить в роли основного организатора диалога между официальным Дамаском и оппозиционным объединением — Сирийским Национальным советом (СНС). В феврале — августе 2012 г. ЛАГ выступила соорганизатором совместного института Специального посланника ООН и ЛАГ, который возглавил К. Аннан; арабские государства приняли участие в формировании и деятельности Миссии ООН по наблюдению в Сирии. В конце 2012 — начале 2013 гг. ЛАГ утратила позиции посредника в урегулировании сирийского конфликта и склонилась к поддержке оппозиционных сил, заявив о признании нового объединения — Национальной коалиции сирийских революционных и оппозиционных сил — законным представителем сирийского народа (данное решение было принято большинством голосов на саммите ЛАГ в Дохе 26 марта 2013 г.).

Принятие ЛАГ таких решений было инициировано т.н. «коалицией большинства», основу которой составили арабские государства Персидского залива, активно выступавшие за силовое воздействие на официальный Дамаск, включая международную интервенцию. Именно эти государства выступили инициаторами приостановления членства Сирии в ЛАГ (такое решение было принято участниками ЛАГ 12 ноября 2011 г.). Данные арабские государства отозвали дипломатические миссии из Дамаска и поддержали решение о введении санкций в отношении руководства Сирии: 11 февраля 2012 г. на заседании ЛАГ в Каире было принято решение разорвать дипломатические отношения с Сирией и обеспечить «все формы экономической и политической поддержки оппозиционных сил». Эти же арабские государства на заседании форума «Друзей Сирии», состоявшегося в Тунисе 24 февраля 2012 г., высказались в пользу признания Сирийского Национального совета в качестве представителя сирийского народа.

В период обсуждения сирийского вопроса в ЛАГ довольно четко обозначилась «коалиция меньшинства», ядро которой составила тройка стран — Алжир, Ливан и Ирак. На саммите ЛАГ в Дохе, состоявшемся в марте 2013 г., данные государства выступили

против официального признания Национальной коалиции сирийских революционных и оппозиционных сил. В ноябре 2011 г. Ливан и Ирак противились решению большинства участников ЛАГ приостановить членство Сирии в организации (Ливан проголосовал против, Ирак воздержался). В начале сентября 2013 г. эти же государства при поддержке Египта, Туниса и Палестины выступили против нанесения ограниченных ударов по Сирии.

Таким образом, позиция арабских стран в отношении урегулирования сирийского конфликта не является однородной: внутри ЛАГ оформились «коалиции» сторонников и противников силового воздействия на официальный Дамаск. По мере развития кризиса в Сирии в 2011—2013 гг. роль и степень участия ЛАГ в урегулировании конфликта изменилась: от относительно пассивного реагирования на события внутри государства и попыток организации диалога между правительством и объединением оппозиционных сил до официального признания Национальной коалиции сирийских оппозиционных и революционных сил в качестве представителя сирийского народа, что привело к утрате ЛАГ роли посредника в урегулировании сирийского конфликта.

ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ ЛИТОВСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Шевцова А. Л., Академия управления при Президенте Республики Беларусь

Одним из проявлений процессов регионализации в современном мире является региональная интеграция. Новые феномены региональных интеграционных группировок — Европейский союз—28, Союзное государство Беларуси и России, Таможенный союз Беларуси, России и Казахстана, АЛБА. Другое же проявление регионализации — это возрастание роли внутригосударственных и трансграничных регионов. Новыми участниками политических процессов, в том числе внешнеполитических процессов, являются политические регионы национальных государств. Политический регион трактуется с позиции соединения двух подходов — институционального и коммуникативного, что позволяет рассматривать регион в двух формах — как политический институт и как политическое сообщество [Туровский Р.Ф. Баланс политических отношений. ..., 2007]. Соответственно, политический регион не тождествен формальному административному региону, он может совпадать с ним территориально, а может и не совпадать. Индикатором политического региона является устойчивое политическое поведение населения, что проявляется, прежде всего, в участии населения в выборах и референдумах. Поэтому в качестве инструмента для характеристики политического поведения населения региона определены результаты голосований, зафиксированные на электоральных картах.

Исходя из анализа общенациональных электоральных кампаний, в Литве выделяются следующие политические регионы: Вильнюс и Виленский край, город Каунас, город Клайпеда. Выборы в Сейм, и в частности, парламентские выборы 2012 г., показали, что город Клайпеда устойчиво контролируется Движением либералов республики Литва, Каунас — консервативной партией Союз Отечества — Христианские демократы. Вильнюс разделен: примерно половину населения города составляют этнические литовцы, которые, как правило, голосуют за правые партии, в то время как славяне голосуют за левых. В Виленском крае и Вильнюсе также имеется особая региональная партия — Избирательная акция полей Литвы, которую поддерживают этнические поляки, особенно в сельской местности, и отчасти — этнические русские. Голосование и политические симпатии жителей сельской местности и малых городов являются, как правило, неустойчивыми и протестными. Эта региональная специфика политического по-